



ДЖ. КАСПЕР
КРАМЕР

СПИСОК
НЕМЫСЛИМЫХ
СТРАХОВ

перевела Алёна Щербакова

Джессика Каспер Крамер

Список немислимых страхов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68608182

Список немислимых страхов: ООО «Издательский дом „Самокат“»;

Москва; 2022

ISBN 978-5-00167-461-0

Аннотация

Нью-Йорк, 1900-е. Жизнь десятилетней Эсси О'Нил в одночасье переворачивается вверх тормашками: спустя несколько лет после смерти её папы мама снова выходит замуж. И мало того, что отчим Эсси немец, а значит, чужак, так ещё и работает главным врачом карантинной больницы. Туда отправляют неизлечимо больных пациентов, чтобы изолировать от общества. Туберкулез, оспа, брюшной тиф, холера – от одних лишь названий болезней бросает в дрожь, а Эсси предстоит жить рядом с больницей и каждый день подвергаться риску заболеть и умереть. Как будто мало ей других страхов, которые она вносит в свой список, чтобы меньше бояться!

Оказавшись в новом доме, огромном и мрачном особняке, Эсси узнаёт, что из больницы пропали медсестры и полиция ведёт расследование. Не замешан ли её замкнутый и немногословный отчим в этих таинственных исчезновениях? Эсси затевает собственное расследование, но, чтобы докопаться до правды, ей

придётся вспомнить болезненное прошлое и посмотреть в лицо своим страхам.

5 причин прочитать книгу «Список невысказанных страхов»:

- Новый роман Джессики Каспер Крамер, автора «Истории, которую нельзя рассказывать»;

- Необычный исторический сеттинг – и актуальные темы: страх и тревога, одиночество и изоляция, проживание горя от потери близкого человека и привыкание к переменам в жизни;

- Исследование темы страхов и тревожности как следствие травмы;

- Психологическая драма, которая умело притворяется мистическим детективом;

- Захватывающее чтение, от которого не оторваться – пока не «раскроешь дело» вместе с героиней, не остановишься.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джессика Каспер Крамер

Список немыслимых страхов

*Маме, которая научила меня быть храброй,
даже когда страшно жути*



Text copyright © 2021 by Jessica Kasper Kramer

© Щербакова А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом

„Самокат“», 2022

Глава 1

Красная дверь.

Темный коридор.

Страшно до жути.

Этот сон всегда начинается так. Из звуков – только мерный стук капель за стеной. От страха я не могу пошевелиться. Крепко зажмуриваюсь, но, когда открываю глаза, дверь никуда не девается. Зловеще краснеет впереди.

По спине, словно полчища черных пауков, колюче бегают мурашки.

Кто-то шепчет мое имя.

И в этот миг сон почти всегда прерывается.

Обычно я просыпаюсь в слезах, ночная сорочка мокрая от пота, хоть выжимай. Обычно я бужу маму, умоляю зажечь масляную лампу возле нашей кровати, и мама крепко обнимает меня, пока я не перестану дрожать.

Но бывает, я не могу проснуться.

Иногда я мечусь во сне или сползаю на пол. Иногда бегаю по комнате и кричу, глаза у меня широко раскрыты, но я ничего не вижу.

Мама в такие моменты говорит, что я «застряла».

Обхватив мое лицо ладонями, она смотрит мне в глаза и по остекленевшему взгляду понимает, что я в глубоком сне. Мама зовет и зовет меня, чтобы я шла на ее голос, как на

маяк, и вернулась в мир живых, но я словно под толщей воды. И ничего не слышу.

* * *

Вдалеке, по ту сторону Ист-Ривер, пелену предвечернего тумана прорезает луч маяка. Пять секунд слепящего света. Пять секунд зловещей тьмы. На мгновение мне кажется, что это опять случилось – я застряла в кошмаре.

Тут я понимаю: тень, растущая впереди над мутной вспененной рекой, – это остров Норт-Бразер, и меня бросает в дрожь. Я хочу уйти в салон парома, но мама берет меня за руку.

– Ты обещала, – тихо говорит она. Раз я ее слышу, значит точно не сплю. – Ну же, Эсси. Будь смелой девочкой.

Легко ей говорить. Мама – одна из самых смелых людей во всем Нью-Йорке. Кто угодно подтвердит: и чудаковатый владелец старого дома, где мы снимали квартиру; и моя лучшая подруга Беатрис; и монашки из нашей католической школы святого Джерома. Я своими глазами видела, как мама подбирает с пола дохлых крыс – и ее даже не передергивает. Видела, как затаптывает ботинком вспыхнувший огонь. Когда ей было всего пять лет, а это в два раза меньше, чем мне сейчас, она вместе со своей матерью плыла через огромный океан в Америку, куда уже перебрался отец. А у меня душа уходит в пятки, когда паром приближается к Хелл-Гейту.

Ледяной и влажный январский ветер хлещет меня по лицу. На палубе повсюду слякотные лужи и так холодно, что я дрожу даже в своем теплом пальто, но мама шагает к леерам и тянет меня за собой. Я упираюсь, мама глядит на меня с укоризной, но я не готова рисковать жизнью ради красивого вида. К тому же любой человек в здравом уме понял бы: этой тенью вдалеке не стоит любоваться.

– Многовато у вас багажа, – говорит кто-то позади нас, и мы с мамой оборачиваемся.

Служащий парома в длинном непромокаемом плаще, глянцевом от стекающей по нему дождевой воды, улыбается нам, касаясь пальцами фуражки. На реке поднялись волны, и он проверяет груз, который перевозят на палубе, – затягивает канаты покрепче и завязывает двойные узлы. На одном из больших деревянных ящичков рядом с ним виднеется надпись «МЕДИЦИНСКИЕ СРЕДСТВА». На другом – «ЛАБОРАТОРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ». Сверху, привязанный к багажной горе, взгромоздился наш старый пароходный кофр с помятыми боками, рядом с ним пристроилась симпатичная металлическая коробка для шляп – мамина, подарок ее нового мужа.

Моего нового отца.

Я морщусь.

– Я хочу сказать, многовато багажа, если просто едете в гости, – добавляет служащий. По всему видно, что на языке у него вертятся еще вопросы.

Сегодня нам уже повстречалось много любопытствующих, но этот моряк мне особенно не нравится. Есть в нем что-то подозрительное – то ли прическа, то ли обувь, поэтому я прячусь за маму и, сощурившись, разглядываю его.

– Мы не в гости собрались, – громко отвечает мама, перекивая шум волн. – Мы переезжаем на остров.

Служащий парома вскидывает голову.

– Неужто пациенты?

– Боже упаси! – восклицает мама.

Я не хочу снова смотреть на реку. Не хочу видеть маяк, который предостерегает нас, чтобы держались подальше от приближающейся тени. Но тут паром сильно подкидывает, нос захлестывает гигантская волна, палубу заливают, и я, спотыкаясь и крича, отбегаю от мамы и вцепляюсь обеими руками в боковой леер, чтобы меня не смыло за борт.

Мама же хихикает, как школьница, прижимая свою новую модную шляпку к голове. Она даже не потеряла равновесия, держится со всегдашней уверенностью и достоинством.

– Ну и разошлась же погодка! – говорит мама служащему в плаще, а потом, будто не заметив, что секунду назад я едва не упала за борт, добавляет: – Отойди подальше, Эсси.

Я зажмуриваюсь, стараясь не смотреть на бурные потоки ледяной воды внизу. Больше всего на свете мне хочется забиться вглубь парома, развернуть его и поплыть обратно домой, но я боюсь, что если отпущу леер, то непременно упаду. К тому же наш дом в Мотт-Хейвене уже нельзя назвать

нашим домом. Наши пожитки, те немногие вещи, что остались, – их уже упаковали и отправили на остров. Наша квартира в городе опустела.

Наша квартира, в которой я жила всю жизнь.

Наша квартира, в которой я жила с мамой и папой – моим *настоящим* папой.

Когда в лицо мне вновь ударяет луч маяка, я нехотя открываю глаза и, щурясь от яркого света, через несколько секунд сменяющегося темнотой, вглядываюсь вдаль.

Остров Норт-Бразер выглядит необитаемым. Редкие деревья, растущие тут и там, похожи на простертые к небу руки скелетов. Скалистая береговая линия будто поджидает, когда кто-нибудь оступится и подвернет себе лодыжку.

– Стало быть, вы медсестра? – продолжает допытываться служащий. – На замену пропавшим?

Отпустив леер, я оборачиваюсь, тарашу глаза, но тут паром захлестывает еще одна волна, и меня отбрасывает к маме. Я кричу, еле держась на ногах, и мама подхватывает меня как раз в ту секунду, когда мутная коричневая вода переливается через борт.

– Я насквозь мокрая! – выкрикиваю я.

– Все нет, – возражает мама.

– Я простужусь!

– Господи, Эсси! Не преувеличивай.

Мама поворачивается к служащему парома, вежливо прощается, после чего уводит меня в салон. Я вся трясусь от хо-

лода и некрасиво хлюпаю.

– А ну прекрати сию минуту. Хватит сцены устраивать.

Но я не могу прекратить. В голове у меня мелькают картинки всех возможных версий моей гибели.

Мама насилу отрывает мои пальцы от своей сырой юбки и промокает ее. Эта юбка в черно-белую полоску – новая, как и шляпа с металлической коробкой. Еще один подарок.

– Стоило выбрать другой день для переезда. – Мама выдавливает улыбку.

– Или вообще никогда не переезжать, – буркаю я.

По ее строгому взгляду я понимаю, что лучше мне замолкнуть, поэтому скрещиваю руки на груди и, все еще выбивая зубами дробь, отхожу от мамы. Паром качается на волнах. Остров Норт-Бразер подбирается все ближе. На небе чернеют грозовые тучи. Когда кто-то у меня за спиной начинает кашлять, я украдкой поглядываю через плечо. На этом маленьком пароме пассажиров немного, при посадке я заметила среди них двоих полицейских. Должно быть, сейчас они наверху, в капитанской рубке. Судя по всему, на пароме перевозят запасы медикаментов, пока погода еще позволяет пересекать реку. Но тут в дальнем конце салона я вижу закутанного в потрепанное одеяло исхудалого мужчину с лихорадочно горящим лицом.

От накатившей тревоги у меня сжимается нутро. Я пачусь.

– Иди сюда сушиться. – Мама машет мне платком, садясь

на скамейку. Она бросает красноречивый взгляд на кашляющего мужчину, и я тут же бегу к ней.

Некоторое время мы молчим. Мы и так уже всё высказали раньше. Кричали. Обзывали друг друга по-всякому. Я плакала до посинения, хватая ртом воздух и причитая, что моя жизнь в опасности.

По правде говоря, так оно и есть.

Паром наскакивает на одну волну за другой, отчего у меня противно сосет в животе.

– Мы утонем, – шепчу я.

– Не утонем.

– В этом проливе постоянно тонут корабли. Хелл-Гейт – это кладбище.

Мама вздыхает.

– Знаешь, я так радовалась своему первому плаванию. Все мои мысли были о моем новом доме, каким он будет. И у нас выдалось несколько ночей, когда штормило куда хуже, чем сейчас. Я тебе рассказывала, как корабль стало заливать и воды в каюте было мне по самые панталоны?

Конечно, рассказывала. Я во всех подробностях знаю мамино путешествие из Ирландии. Даже о самом страшном – например, о том, как корабль загорелся, или как вся еда протухла, или как вокруг в нетерпении шныряли акулы, – мама говорит как о незабываемом приключении, которое я пропустила. Наверное, тогда она считала, что лучше уж такое плавание, чем всё, что происходило в ее жизни раньше. Мама

и бабушка голодали. И корабль до Америки был последним шансом выжить.

Луч маяка вновь рассеивает туман, пробиваясь через окна салона. Свет. Тьма. Снова свет.

– Он славный человек, Эсси. Вот увидишь.

Я замираю. Мне не хочется опять слушать, как мама пытается меня убедить, что это верный выбор – и единственный. Не хочется слушать, как она говорит о докторе Блэкрике и его больнице.

– Мы заболеем, – говорю я тихо, бросая взгляд на другого пассажира.

– Не заболеем, – отвечает мама и, приобняв меня, целует в макушку.

Я понимаю, почему дедушка поехал в Америку. Понимаю, почему бабушка последовала за ним. Но несмотря на то, что мама в последнее время сильно исхудала и даже в новой красивой одежде фигура у нее угловатая, несмотря на то, что на Рождество нам едва хватило денег на уголь, чтобы не окоченеть от холода, а на подарки мы тем более не тратились, – я все равно не понимаю, почему она снова вышла замуж. Не понимаю, почему согласилась переехать в поместье этого чужого человека.

Дело в том, что остров Норт-Бразер не похож на другие острова.

Наш новый дом – там, куда неизлечимо больных отправляют из Нью-Йорка доживать свои дни и ждать смерти.

Глава 2

Что всё пропало окончательно и бесповоротно, я поняла вчера в половину четвертого.

Я вернулась из школы поздно и увидела, что все наши вещи упакованы. Но поразила меня вовсе не опустевшая квартира, ведь она у нас очень маленькая. И даже не наполовину наполненный громоздкий пароходный кофр с откинутой тяжелой крышкой, оставленный прямо посреди кухни. Нет, больше всего меня поразила мама: она стояла среди разброшенной по полу одежды и наспех завернутой в газетные листы посуды и примеряла новую шляпку. Шляпка была модная, с высокой тульей и широченными полями, увенчанная гроздьями лент и кружев. Мама что-то напевала себе под нос, любуясь своим отражением в тусклом ручном зеркальце. Меня она совершенно не замечала, словно я превратилась в невидимку. И только когда мои руки, ставшие вдруг ватными, разжались и школьные учебники глухо хлопнулись на пол, мама повернулась ко мне.

– Ой, Эсси! – воскликнула она, снимая шляпку. – Слава богу, пришла наконец-то.

Ее волосы были убраны наверх в пышный пучок. Мама постоянно грозилась остричься и жаловалась, что длинные волосы ей мешают, лезут в лицо, но до сих пор мне удавалось отговорить ее от этой затеи. Судя по всему, мои недав-

ние попытки отговорить ее от решения, которое разрушит нашу жизнь, не увенчались успехом, потому как дальше она сказала:

– Тебе нужно уложить свои вещи. Завтра мы переезжаем на остров Норт-Бразер.

Смертный приговор прозвучал так обыденно, так непри-
нужденно и неоспоримо, словно она исправляла мое домаш-
нее задание по арифметике. Такой же прием она использо-
вала две недели назад. Готовя на ужин колканнон, мама как
ни в чем не бывало сообщила, что снова вышла замуж.

– Мы познакомились на женском марше суфражисток, – с
улыбкой сказала она, сбивая пюре из картофеля и капусты. –
Вообще его зовут Алвин Шварценбах, но здесь его называют
Алвином Блэкриком, а то пока выговоришь «Шварценбах»,
язык сломаешь. Эсси, милая, вы прекрасно поладите. Скорее
бы вас познакомить!

Было ясно как божий день: мама лишилась рассудка.

И дело даже не в том, что она вышла замуж за едва зна-
комого человека, причем немца, – она вышла за человека
с очень незавидной профессией. Доктор Блэкрик заведовал
одним из самых страшных мест в Нью-Йорке – больницей
Риверсайд на острове Норт-Бразер. Людей с заразными бо-
лезнями – обычно бедняков или иммигрантов вроде нас –
местное управление здравоохранения регулярно переправ-
ляло в одну из карантинных больниц на островах в проли-
ве Ист-Ривер. Мнением самих больных чаще всего никто

не интересовался. Если уж тебе не посчастливилось угодить на Норт-Бразер, пиши пропало: оттуда уже не вернешься. Все это знали.

Во время того первого разговора о моем отчине, когда мама описывала, насколько велико его поместье в сравнении с нашей квартиркой, я оторопела. Увидев вчера, что вся наша жизнь поместилась в несколько чемоданов, я повела себя так же – смотрела на всё разинув рот.

– Погода вот-вот испортится, так что надо уезжать поскорее, – сказала мама. – Алвин прислал утром письмо из больницы, говорит, что на завтрашнем вечернем пароме для нас будут места. Иначе мы еще несколько недель не сможем уехать.

Я не стала говорить, что если мы «еще несколько недель не сможем уехать», меня это более чем устроит. Я вообще не сказала ни слова. Просто развернулась и вышла из квартиры. В узком коридоре, где пожелтевшие обои отставали от стены, я бросилась бежать. На шаткой лестнице я сбавила шаг – а вдруг оступлюсь и полечу кубарем по ступенькам? – но когда спустилась и вышла через черный ход, то снова помчалась. В обнесенном забором заднем дворике за нашим домом было страшно холодно. На веревках над головой висело белье, покрытое ледяной коркой. Покосившиеся деревянные уборные, что стояли во дворе в ряд, расплылись у меня перед глазами, когда я пронеслась мимо. Обычно все три будки были заняты, ведь в этом маленьком доме жило

больше семидесяти человек, но сегодня, к счастью, во дворике не было ни души.

Добежав до дальнего угла, где стояли деревянные бочки, я плюхнулась на землю, подтянула колени к груди, обхватив их руками, и дала волю слезам.

– Ты хлюпаешь, как дитя малое с ветрянкой, – раздался рядом голос.

Даже не глядя я поняла, что это Беатрис.

– Если собираешься говорить одни гадости, тогда оставь меня в покое, – пробормотала я, вытирая глаза заштопанными варежками.

Моя лучшая подруга встала передо мной, скрестив руки на груди. Подол платья заляпан засохшей грязью, волосы тоже грязные, чулки порваны на коленках – в общем, выглядела она как обычно. Беатрис всё время лезла куда не следует и выбиралась оттуда изрядно растрепанной.

– Ну, в чем опять дело? Снова нашла в наволочке мышку? – спросила Беатрис.

Я помотала головой.

– Тебя дразнили эти старшие мальчишки с перекрестка? Я велю братьям задать им трепку.

Я опять помотала головой.

– Какой-то громкий шум испугал? Или карандаши закатились под кровать, где темно?

– Ничего подобного! – выкрикнула я. – Ты даже не представляешь, насколько всё ужасно.

Беатрис нахмурилась.

– Так что случилось-то?

– Я переезжаю.

Она вытаращила глаза.

– Когда?

– Завтра. На остров Норт-Бразер.

После этих слов Беатрис опустила на землю рядом и взяла мои руки в свои.

– Ну и ну. Это и правда ужасно.

Моя подруга знала всё о недавнем замужестве моей мамы, о докторе Блэкрике и его больнице. На самом деле Беатрис наверняка знала даже больше моего, но не рассказывала мне о неприятном, чтобы не огорчать. А знала она это потому, что была сыщицей. Беатрис подслушивала чужие разговоры. Читала чужие письма или следила за теми, кто вел себя подозрительно. Разумеется, вся ее разведывательная деятельность служила подготовкой к ее будущей профессии частного сыщика, и ничего удивительного, что из всех грошовых романов она больше всего любила детективные истории, например еженедельные выпуски о приключениях Ника Картера, а еще ей нравилось задавать неловкие вопросы новым соседям или шнырять по темным переулкам в поисках улики. Частенько Беатрис забывала об учебе и прогуливала уроки, потому что была слишком занята слежкой за всякими жуликами и воришками.

Мама и папа Беатрис особо не обращали внимания на ее

увлечение детективами, даже когда она возвращалась домой из школы святого Джерома с саднящими рубцами на ладонях от ударов линейкой. Дело в том, что у Беатрис было три старших брата, и вот они-то требовали безраздельного внимания родителей. Братья Мёрфи считались грозой нашего квартала. Они затевали уличные драки и воровали сладости у лавочников, а все деньги, вырученные от продажи газет, спускали на азартные игры, папиросы и пятицентовые киносеансы. По вечерам мальчишек обычно притаскивали домой полицейские, и даже с пятого этажа я слышала вопли – это отец лупил их ремнем.

В общем, Беатрис славилась тем, что знала всё про всех, поэтому я была ей благодарна, что до сих пор она не приносила мне слухов о новом мамином муже. Хватало и того, что я переезжаю на остров, где живут люди с холерой, желтой лихорадкой и брюшным тифом. Не хотелось добавлять себе еще тревог.

Я утопила лицо в ладонях.

– Я никогда тебя не увижу. Я там заболею и умру.

– Эсси-Эсси-Эсси, – Беатрис подтолкнула меня плечом, – ну что ты, в самом деле. Если туда можно переплыть на пароме, то и я смогу тебя навестить. И ничего ты не умрешь.

– Я не хочу жить с каким-то незнакомцем!

– Могло быть и похуже, – серьезно заметила Беатрис. – Сама посуди, он обеспеченный, а значит, твой новый дом будет роскошным. Там, наверное, и электричество есть!

От охватившего меня ужаса я резко вдохнула и снова начала всхлипывать.

Беатрис покачала головой.

– Порой мне кажется, ты безнадежна.

Вдруг у нее изменился взгляд, и я сразу поняла, к чему идет дело. Когда глаза у Беатрис вот так округлялись и прямо-таки горели, это означало, что ей не терпится рассказать о том, что мне лучше не знать.

– Нет. Молчи, – быстро сказала я, шмыгая носом, и отодвинулась от подруги.

– Но, Эсси...

– Что бы там ни было, не говори! Мне и так страшно!

– Просто мне... Если ты ее увидишь... Ох, как же я тебе завидую!

– Ув... увижу ее? – запинаясь, переспросила я. – Кого увижу?

– Тифозную Мэри! – выпалила Беатрис. – Ее держат как раз на острове Норт-Бразер!

Я будто разом похолодела.

Тифозная Мэри.

Два года назад все газеты пестрели этой историей. Выяснилось, что через стряпню Мэри заразились брюшным тифом сотни людей, поэтому ее принудительно отправили в карантин. А прошлым летом в «Нью-Йорк Американ» напечатали жуткую карикатуру: Мэри приправляет блюдо, ставя его в печь, а вокруг разбросаны человеческие черепа. После

этого газетчики опять взялись за старое. Беатрис по уши погрузилась в это расследование: как одержимая, она следила за развитием событий, выуживая выброшенные газеты из воюющих мусорных баков, чтобы ничего не пропустить.

– Помнишь ее знаменитый десерт? Мороженое с персиковыми дольками! Представляешь, ага? Мороженое и персиковые дольки... Я б такое съела в один присест, и наплевать на заразу.

– Не хочу больше ничего знать, – умоляюще сказала я, скручивая варежки жгутом. – И не хочу думать о том, что буду жить рядом с таким опасным человеком.

– Говорят еще, Мэри схватила разделочный нож и накинулась на мусорщика, который ее выследил! Или это была вилка?... В общем, она вопила и кляла его на чем свет стоит. Ой, Эсси, позволь приехать к тебе в гости! Мне так хочется ее увидеть!

– Беатрис, прошу!

Она закатила глаза и обняла меня за плечи.

– Пойдем в дом. Ты вся дрожишь. Разве обморожения нет в твоём списке?

Разумеется, оно там было – внесено в *Список невысказанных страхов* в колонку на букву «О». Но эту боязнь затмили мой грядущий переезд на карантинный остров и загадочный отчим.

– Я не хочу домой. Не хочу собирать вещи.

– Ну, если ты не намерена заявиться в свой новый дом без

смены исподнего, то выбора у тебя нет.

– Я не хочу разлучаться с тобой. – Мой голос прозвучал едва слышно.

Тут Беатрис понурилась, и мне показалось, что она тоже вот-вот заплачет. Мы с самого детства были лучшими подружками и учились в одной школе. И всегда жили в одном доме.

В конце концов Беатрис распрямилась и, отвернувшись, пробурчала:

– Не вешай нос. У нас в квартире тебе жить негде, слишком тесно. Но если вдруг захочешь вести разбойничью жизнь на улице, мои братья с радостью тебе помогут. Только знай: вот стану я прославленной сыщицей – и живо тебя поймаю. Всё по-честному.

Я обхватила подругу за шею и прижалась лицом к ее пальто.

– Как же я буду без тебя?

– Честно говоря, не знаю, – ответила Беатрис, поглаживая меня по макушке. Я почувствовала, что она улыбается. – Но тебе и не придется. Ты же не на Луну переезжаешь? Если я тебе понадобится, возьми и напиши мне. Я всегда отвечу.

В конце концов мы окончательно замерзли, поэтому пошли вместе домой мимо покосившихся вонючих уборных, мимо деревянных кадок с углем, мимо сваленной в кучи грязной одежды, приготовленной для стирки. Беатрис попрощалась со мной у дверей и умчалась – наверняка опять что-то разнюхивать, а я в одиночестве поплелась вверх по

скрипучей лестнице. На пятом этаже я тихо проскользнула в нашу квартиру. В кухне было чисто, под старым полотенцем остывал еще горячий, только вынутый из печи содовый хлеб¹. Новая шляпа была убрана в коробку, а на стуле лежал один из наших подержанных чемоданов и ждал, когда я уложу в него свои вещи. Мама, наверное, куда-то ушла – дома ее не было.

В кухне было три двери. Одна вела в коридор. Другая, по правую руку, – в крошечную гостиную, где жили мы с мамой. А третья, по левую руку, – в просторную спальню. Там обитали наши квартиранты – они недавно приехали из Ирландии. У них было четверо маленьких детей, и вся семья уютилась в одной комнате. Я прислушалась – тишина, значит, их нет дома.

Я повернула направо и вошла в гостиную, где на полу лежали наши набитые соломой тюфяки: для нормальных кроватей не хватало места. Подойдя к дальней стене, я уставилась в единственное окно. Оно выходило на улицу. Снаружи была пожарная лестница. Я не вылезала на нее больше трех лет. Но если завтра утром мы с мамой уедем, больше такой возможности у меня не будет, поэтому медлить нельзя. Очень важно это увидеть.

Стиснув зубы, я распахнула окно и выбралась на лестницу.

¹ Знаменитый ирландский хлеб с сухофруктами, его намазывают сливочным маслом и подают к чаю вместо печенья.

В нашем квартале с верхних этажей открывался вид на Ист-Ривер и несколько островов: Норт-Бразер и Саут-Бразер, Рэндаллс и Уордс, а вдали просматривался остров Блэквелл. Хелл-Гейт – опасный узкий пролив рядом с Куинсом – отсюда тоже было видно. Холодный ветер неприятно щипал мне щеки.

Папа любил этот пейзаж.

На высоте он чувствовал себя уверенно и почти всю жизнь работал на опасных строительных площадках – мостах и всяких высоких зданиях.

– Мы, ирландцы, расходный материал, – с ухмылкой говорил он. – К счастью, равновесие у меня хоть куда.

Да, папа никогда не боялся высоты. А с ним не боялась и я – по крайней мере, не так сильно. Мы садились рядышком, бок о бок, и свешивали ноги с лестницы. Папа рассказывал о бейсболе, скручивая папиросы, и табачный дым плыл над улицами, что лежали внизу. Мы сидели так часами, наблюдая за проходящими по реке пароходами, которые баламутили вокруг себя воду.

– Ты только глянь на этих тягачей, – говорил папа.

Он любовался даже судами, груженными мусором и бочками с нечистотами, – они сбрасывали городские отходы в Атлантический океан. Иногда он показывал на какой-нибудь милovidный кораблик.

– Знаешь, я сюда приплыл на таком же красавчике.

От таких воспоминаний стало больно, но я все же присела

на площадку подальше от края и сцепила руки в замок. Теперь реку было видно не полностью: недавно построенный дом на соседней улице загораживал мне обзор. Но если закрыть глаза, картинка все равно всплывала в голове.

В конце концов, мне хотелось увидеть вовсе не реку.

Я пыталась мысленно представить папину улыбку. Услышать его смех. Хотела еще разок почувствовать, что папа рядом. Пока я не уехала отсюда далеко-далеко.

И вдруг – как будто в палец ткнули иголкой – перед глазами всплыла ясная картинка.

Воспоминание, которое мне хотелось забыть.

Было утро. Лето. Мне почти пять лет.

Со всей осторожностью, чтобы не расплескать, я, как всегда, несла к лестнице чашку кофе для папы. Иногда мама шла рядом, чтобы в случае чего помочь мне, но в тот день ее не было дома. И когда я выбралась на залитую солнцем площадку пожарной лестницы, то увидела исполненный ужаса папин взгляд. Он схватил меня за локоть, дергая за рукав и тыча куда-то пальцем, и горячий кофе выплеснулся мне на руку. От такого ожога наверняка остался бы шрам, но я не расплакалась, а папа даже не заметил этого. Потому что мы оба неотрывно смотрели на реку.

Там был пароход. Огромный.

От его корпуса валили клубы густого черного дыма.

Я видела раньше пожары. В Бронксе постоянно загорались дома вроде нашего – из тех, что стояли тесно и бы-

ли битком набиты жильцами: то угольный утюг опрокинется или кто-то оставит его горячим без присмотра; то искры из камина вылетят и попадут на ковер; то кто-нибудь заснет с раскуренной трубкой во рту. А в Нью-Йорке, где старые здания лепятся друг к дружке, занявшийся пожар потушить трудно. Позже, уже учась в школе, я прочитала о трех Великих пожарах нашего города: тогда огонь стремительно охватывал всё вокруг и погасить его не удавалось, а один из этих пожаров было видно из самой Филадельфии.

Но столь огромного пожара, как в тот день, мне еще не доводилось видеть. Это было страшнее всего, о чем я читала в книгах.

На таком большом расстоянии от нашего дома до реки ветер, дувший в другую сторону, не доносил до нас запаха гари от корабельных палуб, пожираемых огнем, – он перекинулся из фонарной кладовой, где было полно соломы и промасленной ветоши. Мы не задыхались от вони пробковой трухи, исходившей от гнилых спасательных кругов. Но мы видели яркие световые вспышки – иногда по две за раз, иногда больше.

Некоторые пассажиры прыгали в воду. Некоторых скидывали за борт. Некоторые переваливались через леера.

Падали.

Вращались в полете.

И исчезали в темной бурлящей воде.

В то утро 1904 года я крепко вцепилась в папину загру-

бевшую руку своей, ошпаренной, и не отпускала.

«Генерал Слокам» в отчаянии повернул к острову Норт-Бразер, неся на верную смерть тысячу с лишним женщин и детей.

Но вчера мне некого было взять за руку.

Я провела большим пальцем по месту, где под варежкой был бледный шрам от ожога, и вернулась в комнату.

Решившись выбраться на пожарную лестницу, я надеялась найти счастливые воспоминания, которые можно увезти с собой в новый дом. А нашла горящий пароход.

Глава 3

Уже почти стемнело. Пошел дождь. Паром замедляет ход и причаливает к пристани Норт-Бразер. Из-за поднявшихся волн, которые раскачивают судно, портовым рабочим сложно подвести к нему трап и приняться за разгрузку. В последнюю секунду я вцепляюсь в маму и, повиснув на ее руке, начинаю умолять:

– Пожалуйста, пожалуйста, давай останемся на пароме! Пока шторм не пройдет.

Со вздохом она отмахивается от меня и раскрывает зонт. Затем берет два наших маленьких чемодана и уходит без меня к шаткому трапу. Когда же я наконец собираюсь с духом и иду за мамой, паром дает три пронзительных гудка, отчего я едва не выпрыгиваю из пальто. После этого меня всю колотит, и служащий парома – тот, в подозрительных ботинках, – переносит меня через трап на руках. Дальше я иду с ним по длинному деревянному пирсу, о который с обеих сторон ударяются волны. Ледяной дождь усиливается. Мама ждет меня на берегу, и я скорее спешу к ней.

– Это главный корпус больницы? – Ей приходится почти кричать, чтобы служащий ее услышал. Она показывает на продолговатое кирпичное здание слева. Оно двухэтажное, с пятью толстыми каминными трубами и десятками темных окон.

Хотя наше путешествие не было долгим, у меня подкашиваются и дрожат ноги, когда я стою на твердой земле. И поскольку я сосредоточена на этом, поначалу не замечаю, что служащий парома остался на пирсе – и не сходит на берег.

– Да. Чумной барак, – говорит он, кивая, и у меня замирает сердце. Мама хмурится, и он быстро добавляет: – Тут больные черной оспой.

Паром снова дает три душераздирающих гудка, из этого здания выходят две медсестры в белых халатах и высоких резиновых галошах и бегут к пристани. Встревоженно поглядывая на женщин, служащий парома приподнимает мокрую фуражку, прощаясь с нами, а затем направляется к рабочим помогать с оставшимся грузом. Пронизывающий ветер продувает меня насквозь, и я жмусь поближе к маме под зонт. Подол моего платья промок и липнет к ногам.

– Алвин обещал нас встретить, – говорит мама, с трудом удерживая на голове шляпку. – Уверена, экипаж приедет с минуты на минуту.

Конечно же, она права. Как всегда. Сквозь пелену дождя вдали вырисовываются очертания движущейся кареты. Но чем ближе она подъезжает, тем необычнее выглядит. Странный цвет. И размер маловат. И лошадей не видать.

И это вообще не карета. Это автомобиль.

Черно-красный кузов и дверцы. Золоченые детали. Белые шины. Два мягких сиденья, обитых черной кожей. Сзади закрытый салон с маленькими окошками. Автомобиль оста-

навливается перед нами, я хлопаю глазами. Мама от удивления застыла как истукан. Из автомобиля выходит шофер и быстро шагает к нам, раскрывая добротный зонт с загнутой крючком серебристой рукояткой.

– Простите за задержку, миссис Блэкрик, – говорит он, а с его подкрученных усов капает вода. Я впервые слышу, как маму называют ее новой фамилией, и, не сдержавшись, насупливаюсь. Шофер улыбается. – А ты, должно быть, Эсси!

Взяв наши чемоданы и уложив их в глубокую нишу сзади автомобиля, он открывает маленькую дверцу и жестом приглашает нас залезть внутрь.

– Доктор Блэкрик передает свои извинения, – продолжает шофер, помогая маме устроиться. – Он собирался сам вас встретить, но его вызвали в больницу к кому-то из пациентов. Я как раз его отвозил. Ну и погодка разыгралась, да?

Он протягивает мне руку, помогая забраться в салон автомобиля, и я замечаю его взгляд: он смотрит на пирс, на котором стоят полицейские, ехавшие с нами на пароме. Но обдумать это наблюдение как следует я не успеваю: внутри салона меня оглушает рев мотора.

Я готовлюсь испугаться. Автомобиль очень громкий: в нем что-то рычит, шелкает и жужжит, пока он стоит на месте. Я слышала немало жутких историй о таких вот штуковинах: они едут, потом врезаются во что-нибудь на полном ходу, переворачиваются вверх тормашками, а пассажиры внутри погибают. Сколько еще потрясений меня ждет? Впервые

в жизни плыть на пароме и ехать в автомобиле, и всё это за один день!

Я готовлюсь испугаться, но вскоре мне не до страхов и переживаний – автомобиль меня завораживает. Я глажу онемевшими пальцами глянцевиые пружинистые сиденья и разглядываю переднюю часть салона. Руль прикреплен к длинной палке, внизу под ним – три ножных педали, слева – рукоятка ручного тормоза. Справа расположена круглая стеклянная панель с цифрами. Когда шофер закрывает нашу дверцу и садится на переднее сиденье, я откидываюсь на спинку, и мама щиплет меня за руку.

– Разве не здорово?

Я едва не киваю в ответ и тут же зарываюсь лицом в воротник пальто, чтобы скрыть оплошность.

Ехать до нашего нового дома недалеко, шофер всю дорогу беседует с нами через разделяющую нас стеклянную перегородку. Его зовут Фрэнк, и он смотритель поместья, а по совместительству шофер и еще кто угодно – на усмотрение доктора Блэкрика. Фрэнк говорит, что провел на острове шесть лет, как и его хозяин, – они вместе перебрались на Норт-Бразер. До того как доктор Блэкрик заступил на должность заведующего больницей Риверсайда, Фрэнк работал на него на Манхэттене.

– Всегда он был славным малым, – говорит нам Фрэнк, перекрикивая шум двигателя. – Честный человек. Хорошо ко мне относится.

Шофер продолжает болтать, а я прижимаюсь носом к окошку и слушаю рокот мотора и перестукивание. Смотрю на расплывчатое красное кирпичное здание, мимо которого едет автомобиль. Дождь все еще льет, но туман постепенно рассеивается, и становится видна громадная труба, из которой валят клубы жирного черного дыма.

Когда автомобиль въезжает на круговую дорогу, мама шепчет мне на ухо:

– Ой, Эсси, смотри.

Заметив, что ее голос дрожит, будто она вот-вот заплачет, я подаюсь вперед и вглядываюсь.

– Это одна из самых старых построек на острове, – объясняет Фрэнк, потянув на себя ручной тормоз и вжимая ногу в педаль, чтобы автомобиль остановился. – Но вы не волнуйтесь. Его недавно полностью обновили. Всё в соответствии с современными удобствами. Газовое отопление. Электрический свет в нескольких комнатах. Еще водопровод. А на втором этаже есть самый настоящий унитаз! Телефонную линию пока не провели, но скоро и до этого дойдет. – Фрэнк оборачивается к нам и улыбается. – Вы, миссис Блэкрин, вышли замуж за человека прогрессивного ума.

В другое время я бы пришла в ужас при мысли о доме, в котором опасности поджидают на каждом шагу, – электрический свет, ну и ну! – но сейчас я лишь разеваю рот от изумления.

Старый трехэтажный особняк похож на спящее чудови-

ще, окутанное плотной пеленой тумана. Он угловатый, с высокими торчащими башнями. Наверху несколько темных мансардных окошек под провисшими козырьками, света в них нет; только два фонаря по обе стороны парадной двери мерцают огоньками.

Я наваливаюсь на маму и, подняв голову, пытаюсь рассмотреть верх дома. Сквозь туман смутно видно покатуую черепичную крышу, но спустя несколько секунд я замечаю чей-то силуэт в чердачном окне.

– Ой! – Резко отпрянув, я откидываюсь на сиденье.

Ненавижу чердаки. Если слишком долго на них смотреть, оттуда наверняка выглянет кто-нибудь страшный. Подвалы я не люблю по этой же причине. Нельзя не испугаться, глядя вниз уходящей в темноту лестницы. Кладовки ничуть не лучше. Или затхлое пространство под рукомошкой. В общем, любое место, где полно теней и паутины, пугает меня до жути.

Мама бросает на меня взгляд, но Фрэнк уже распахнул дверцу с ее стороны и раскрыл зонт. Наш шофер помогает маме выйти, и, пока они идут по дорожке, она настаивает, что сама донесет чемодан до дома. С минуту я наблюдаю за ними, а потом сворачиваюсь калачиком на сиденье и закрываю глаза, чувствуя, как меня наполняет страх. И хотя я замерзла, и устала, и боюсь простудиться и умереть на этом богом забытом острове, мне невыносимо думать о том, чтобы переступить порог этого дома.

Кто может жить в таком мрачном месте в полном одиночестве?

За кого моя мама вышла замуж?

Вернувшись к автомобилю, Фрэнк протягивает руку и, улыбаясь, кивком показывает на дом.

– Дух захватывает, верно?

Я покрепче сплетаю пальцы и, потупившись, не отвечаю.

– Что-то случилось, мисс? – спрашивает он обеспокоенно.

Я быстро трясую головой, собираюсь с духом и вылезаю из автомобиля. Но как только я ступаю на землю, по двору проносится ветер, и туман будто расходится в стороны, расчищая мне путь к поместью по мощеной булыжником дорожке.

Увидев здание целиком, я резко втягиваю носом воздух.

Дом доктора Блэкрика наводит на меня невыносимый страх и манит войти внутрь.

Глава 4

Мы входим, и Фрэнк закрывает за нами дверь. Мама сразу же принимается беседовать о хозяйстве с какой-то женщиной – опрятной, в черном платье и белом фартуке.

– Я знала, что поместье большое, но оно... оно просто громадное! – говорит мама, обводя рукой широкую парадную лестницу и сводчатый потолок. Она явно опешила. – Неужели в таком огромном доме хозяйство ведет одна-единственная горничная? Просто невысказано! Вы, должно быть, работаете не покладая рук, чтобы держать тут все в чистоте и порядке!

Горничная заливается румянцем. Она выглядит моложе мамы на несколько лет, у нее невзрачное круглое лицо и острый нос. Темные волосы заколоты на макушке в пучок.

– Не так уж это и сложно, – отвечает она, и по ее акценту я понимаю, что в Америку она приехала из Германии, как и мой отчим. – Гостей у нас не бывает. Да и доктор Блэкрик не следит в холле. Я и не замечаю, что в доме кто-то есть.

Я опускаю взгляд на цепочку своих грязных следов, которая тянется через весь холл, и прикусываю губу.

– Всё равно это чересчур для одного человека, – с серьезным видом говорит мама.

Уж она-то знает. Да и я тоже. Вскоре после того, как папы не стало, мама лишилась места приходящей сиделки и с тех

пор зарабатывала нам на пропитание тем, что мыла роскошные уборные у всяких богачей или ухаживала за их престарелыми больными родственниками. Если я не была в школе, то ходила в богатые дома с мамой и мы вместе натирали полы в таких же особняках.

Тут Фрэнк открыл входную дверь – снаружи к дому подъехал экипаж с нашим оставшимся багажом, и порывом ветра в холл занесло ледяные капли дождя. Я отхожу подальше от сквозняка и продвигаюсь вглубь дома.

Холл огромный: пол устилают толстые ковры, на окнах висят тяжелые портьеры, а на стенах горят изогнутые газовые светильники. До самого потолка тянутся исполинские тени от яркого пламени. На столах и полках стоят дорогие с виду, необычных форм декоративные вазы и чаши. Я заглядываю в одну такую посудину рядом со мной: она до самых краев наполнена причудливыми разноцветными стеклышками. Недоумевая, я иду дальше и сворачиваю к парадной лестнице, такой широкой, что по ней можно свободно спускаться втроем. У лестницы резные, глянцево блестящие перила из темного дерева. Справа – гостиная с потрескивающим камином. Раздвижные двери открыты. Эта комнатка так и манит войти – прямо как вампирское логово из страшных романов, которые читает Беатрис.

Коридор за гостиной, кажется, ведет в столовую – я чувствую запах чего-то копченого и приправленного перцем, значит, где-то там и кухня. Слева от лестницы другой кори-

дор, но он заворачивает за угол, и не видно, куда он ведет. Ближайшая ко мне дверь закрыта, но я все равно шагаю к ней.

Золоченая шарообразная дверная ручка отполирована до блеска. Толстая рама деревянной двери резная, в цветах и виноградных лозах. Мое лицо отражается в ручке, и я хочу за нее взяться, но замираю. По спине пробегают мурашки.

На меня смотрит не мое отражение.

Форма глаз другая, они слишком круглые. А нос меньше моего. Утром я оставила свои темно-рыжие волосы распущенными. В отражении я вижу черную косу, завязанную на конце лентой. Дрожащими пальцами я дотрагиваюсь до головы.

– Эсси, – зовет меня мама. – Иди познакомься с фрейлейн Гретхен.

Вздвогнув от неожиданности, я вскидываю голову, а потом снова перевожу взгляд на дверную ручку. И хлопаю глазами. Ясно как день, что в отражении я. Мои глаза, мой нос, мои волосы. Мама и горничная продолжают беседовать.

– Раз уж вы об этом заговорили, миссис Блэкрик...

– Зовите меня Айлин, – с улыбкой просит мама.

– Да, конечно. – Горничная неуверенно улыбается в ответ и продолжает: – Раз уж вы об этом заговорили, нам и правда стоит дать объявления в газету о найме новой прислуги. Вам будет нужна камеристка. А у Эсси должна быть гувернантка, так ведь?

Я вижу, как в отражении мои брови ползут на лоб, и наконец оборачиваюсь. Никто из моих знакомых не знает хотя бы одного ребенка, у которого есть гувернантка. В нашем квартале в Мотт-Хейвене было заведено так, что если родителям некогда заботиться о своих детях, то дети заботятся о себе сами.

– Боже, – мама усмехается, – я знала, что здесь всё будет иначе, чем я привыкла, но вряд ли я не смогу одеваться без посторонней помощи.

Пройдя через холл, я встаю рядом с мамой.

– А мне не нужна гувернантка.

Фрейлейн Гретхен переводит на меня недоумевающий взгляд.

– Но кто-то должен помогать тебе с учебой. На острове нет школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.